

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ АВТОРА

Эти маленькие истории я назвал *claviculae*, «ключиками». Если есть большой золотой ключ, то почему бы не быть маленьким ключикам — серебряным, медным или даже оловянным, которыми можно открыть тайники и закрытые уровни книги. То есть — узнать что-то раньше, чем это предусмотрено основным сюжетом, заглянуть за угол текста, подглядеть, куда ведёт боковой ход, автором намеченный, но не обустроенный, ну и всё такое.

Понятное дело, ключики предназначены для *особенно* внимательных и благодарных читателей. Но автор тешит себя мыслью, что несколько настоящих ценителей у его творения всё-таки найдутся, и ему приятно вручить им эти небольшие подарки.

Ключиками нужно пользоваться в определённой последовательности. Поэтому я везде, где это необходимо, указываю, после какой главы основного текста стоит заглядывать сюда и до какой — чтобы не было совсем уж поздно. Настоятельно прошу читателя прислушаться к этим рекомендациям — иначе вы только запутаетесь и испортите себе удовольствие. Хотя...

— а впрочем, как сами знаете.

*Искренне Ваш
Михаил Харитонов, spirito tentatore*

и предлагал Ему многие вопросы,
но Он ничего не отвечал ему.

Лк. 23:9

CLAVICULAE

**НЕСКОЛЬКО ИСТОРИЙ,
ИМЕЮЩИХ КАСАТЕЛЬСТВО
ДО ПОХОЖДЕНИЙ БУРАТИНЫ
И ДРУГИХ ГЕРОЕВ**

ПЕРВЫЙ КЛЮЧИК, серебряный

ОГРОМНОЖОП И ПРЕКРАСНОХВОСТ

*Читать где-то в районе Главы 19-й Первого тома,
но никак не позднее 22-й Главы его же.*

Безвременье, около — или поблизости — какого-то часа.

Поздняя рань.

Места не близкие, но и не столь отдалённые.

Вроде бы везде всё есть. А как помотришь, так многого и не считаешься. Однако без этого значимого отсутствия действительность была бы ещё пустее — или, если угодно, пуще, или даже пустошнее, хотя, в общем-то, все эти слова не без изъяна. Но изъян, по крайней мере, налицо, и вот именно он-то и придаёт — а вот что именно придаёт, так сразу и не скажешь. С другой стороны — а стоит ли внимания то, о чём можно сказать всё и сразу, не потратив ни минуты на созерцание и размышление?

Вот дорога. Допустим, она перед нами, а мы на ней. Ну или не мы, кто-то. А может, и что-то. Например, тут могло быть небольшое придорожное кафе с огороженным двориком и выцветшими тентами — с названием, к примеру, «Прорва», или, того лучше, «Перерва»: на каком-нибудь языке эти слова непременно хороши или хотя бы означают что-то хорошее. Но при дороге нет кафе «Прорва», да и вообще ничего хорошего нет.

Ах, если б рядом — розовый куст! Он почти доставал бы до полуоткрытого окна, из которого пахло бы гювечем, гирсомом и чёрным смоляным кофе. Но — нет, здесь не цветут розы, здесь не варят кофе. Хер здесь варят! — да и того, в общем-то, не дождёшься к столу, ибо хер сыр, сыр хер, сколь долго его ни вари, особенно если нет его — как, впрочем, и воды, и котла, и стола, не говоря уж об очаге или открытом огне. Где всё это? Хер знает. Знает, но молчит — чтоб не сварили, а также по другим понятным причинам.

Ещё может знать Монтень. Но Монтеня не видно. Незаметно что-то и памятника Монтеню. Хотя он-то как раз должен быть, ведь где-то есть памятник Монтеню — ибо таким людям обычно ставят памятник-другой, а то и все четыре. Однако Монтень, по словам Честертона, не мыслил о еже. Почему сей снисходительнейший гуманист так пренебрегал ежом — решительно непонятно. А когда о человеке что-нибудь решительно непонятно, памятник ему лучше не ставить, вы не находите? Ну а если уж он стоит — не замечать его принципиально?

Не отчаиваемся, придумываем себе яблоню, полную мелкими жёлтыми китайскими яблочками, — которые, если потряхнуть ветви, сыплются градом и часто-часто стучат по земле, иной раз попадая по руке или в темечко. Их не нужно есть, их нужно слушать стук. Или уж если пробовать, то пихать в рот горстями — немытыми, ощущая вкус сладкой земляной гнили. В одном из яблочек должен был бы быть, наверное, маленький бурый червячок — но нет! Нет и его. А поскольку его нет — он никому ничего не должен, но никому низачем и не нужен.

Ох не повредила бы и вкопанная в землю бочка, к которой хорошо прислоняться бедром — тёплым вечером, когда небо уже отпыхало, а земля и вещи благодарно выдыхают тепло. Зажмурившись, слушать ветер, тайно надеясь различить в нём знакомые голоса — а потом пить ракию, настоящую на почечном камне злопипундрия, да палить люльку, да читать Астафьева или Белова, о далёких северных землях, где под звёздами ходят огромные ледяные рыбы. Но где ж бочка? Нет той бочки: сокрушили её сапоги солдат Муссолини, или она пошла на растопку гарибальдийского костра, а может, рассохлась тихо и бесславно в эпоху авиньонского пленения пап. Однако, вероятнее всего, её здесь не было. И в других местах тоже: там были другие бочки — а этой не было. Но это ничего, ибо бочка не повредила бы, но её отсутствие тоже ничему не вредит, ибо и повреждаться-то нечему.

Ну хорошо, пусть, пусть так! — но хотя бы след, просто след башмака в пыли! Я сам готов его оставить, если нет других вариантов. Однако — нет, земля не принимает моих следов. Они слишком легки, небрежны и оскорбительны для неё — привыкшей к толстым сапогам подёнщиков, к осязательным следам жизни, ненужной для себя самой.

Эти слова — чужие, заветные, из Сундука Мертвеца — шелестят у меня в голове, как морской песок на заброшенном пляже: сухое прищёптывающее «слишком», проскальзывающая стёртой щекой галька «подёнщиков», в «осязательным» застряло колкое бутылочное стекло — «с-з». И наплывающий гул прибоя. Я вижу этот звук, именно вижу звук, потом воображение дорисовывает волны. Как звери, бьются они

мокрыми лбами о запретный берег — и с зубовным шипом мрут среди водорослевых ниток, комочков ила, плевочков-ошмётчиков пены и прочей бессмысленно-мелкой хуйни, из которой и состоит жизнь. Если моя дорога ведёт к *этому* океану, я поверну назад.

Но не лучше ль и вовсе сойти с дороги? Углубиться в развалины пейзажа, в останки невысоких меловых гор, к лесам повернуть движением резким, войти под их немые своды и в них утонуть, исчезнуть — чтобы посреди зелёного бескраянья вдруг замереть, созерцая чудо: озерцо с прозрачной водой. Тайное око леса, оно собирает вокруг себя единство путей и связей, на которых и в которых рождение и смерть, проклятие и благословение, победа и поражение, стойкость и падение создают облик судьбы, прозреваемый смертными в его водах. Но нет здесь ни смертных, ни богов. Я же и вовсе не в счёт, ибо меня нет, нет, нет ни для кого.

Вот белеется отмель. Она простирается, чтобы луна чертила на ней свои дорожки — да, луна, луна: огромная, сырно-жёлтая, какая бывает только в безветренную ночь. Но нет безветренной ночи, не время для неё, разве только вечер затеплится синий; и, кстати, ещё не факт, что затеплится. Сколько уж было таких вечеров, которые гасли, не теплясь?

Зато ленивая стрекоза — как изысканно смотрелась бы она на краешке бокала! но увы, увы, у нас и с бокалами напряжёнка — оседлала острый лист и наблюдает за песчаной квакушкой. Наблюдает лишь затем, чтобы не видеть грозной тени, подымающейся из глубины: ибо в озерце водится огромножоп.

Огромножоп! Мутант, порождение тьмы, загадочный огромножоп, он так свиреп и дик, и нет в нём милосердия к живущим, и сочувствия к мёртвым тоже в нём нет ни на скрупул! Он — ужас мира, стыд природы, так что мир и природу извиняет лишь то, что и его нет.

Но эта мысль не успевает прийти нам в голову, ибо сверху, застилая облака радугой, падает из самого сердца небес извечный соперник огромножоба — прекраснохвост. Он так жарк, так ярк в неистовстве цветущей своей красы, он столь неудержимо пленителен, что смотреть на него невыносимо. Поэтому мы и не смотрим — а также и потому, что и его нет, а есть лишь томленье по прекраснохвостому прекраснохвосту, неутолимое, как танталова жажда. Да и томленья-то, в сущности говоря, тоже никакого нет, а то, что есть, томленьем быть никак не может, ибо всякое подлинное томленье утолимо — хотя бы самим собою. Значит, и томление — пшик, вздор, гиль, реникса, нонсенс и катахреза!

Что же есть? Лишь пустошь, заросшая травой. Белеется вдали маленькое стадо диких коз. Истошно орут цикады, утомлённые солнцем.

Может быть — никто не знает точно, ибо некому это знать — мимо бредёт усталый, одинокий путник вроде меня, бредёт мимо коз и цикад, вздыхая о ночлеге или хотя бы о минутном отдыхе. Но не видя вокруг ни дрожащих огней печальных деревень, ни случайной сторожки, ни даже сухого овражка.

Ну а если и того нет? Какие наши доказательства, что тут какой-то путник пробежал? Чесгря, никаких. Мы хотели бы верить — но мало ли чего мы хотели, шароёбьась вдоль и поперёк глухих, окольных троп, которые ведут исключительно друг к другу? Да, в общем, те желания столь же лестны, вздорны и не стоят внимания. Или хотя бы презрения. Ибо и оно истощилось в нашем мире, ну или стало невообразимой редкостью — как нефть, как честь.

Есть только огромножоп, есть только прекраснохвост. И то: ведь существуют они не для себя и не для нас, а лишь друг друга для. Ибо каждый из них — сон разума другого.

ВТОРОЙ КЛЮЧИК, альтовый

ЗОВИТЕ МЕНЯ

Читать после 29-й Главы Первого тома – хотя можно и после 17-й, если совсем уж невтерпёж.

**Санкт-Петербург (бывш. Ленинград). 1996 г. н. э. (от Р. Х.).
Воскресенье**

Малянов подступил к плите, взгромоздил чайник. Сунул под него спичку с маленьким горбиком пламени на спинке. Медленно кашлянул газ. Синие когти огня впились в старую, закопчённую жечь.

— Сначала зажги, потом ставь, — посоветовал Вечеровский.

— Я так привык, — Малянов осторожно, по сантиметру, развернулся, чтобы смотреть на Вечеровского.

Для покойника Вечеровский был неприлично молод. И одет по-молодому — кремовая водолазка, ремень, серые брюки. Жёлтые пижонские ботинки сидели на нём как убитые.

— Ты воды не налил, — сказал Вечеровский, закуривая.

— Знаю, — Малянов открыл крышечку и залил воду из кувшина. — Я так привык, — добавил он, не дожидаясь вопроса.

— Не стариковствуй, — предупредил Вечеровский, стряхивая пепел в пустую сахарницу. — Тебе вообще-то шестьдесят пять. По мировым меркам — самый расцвет.

— Это по мировым, у них медицина. — Малянов со стуком поставил кувшин на стол. — Знаешь, я ведь когда-то боялся сенильной деменции. Всё что угодно, только не сенильная деменция. Когда читаешь препринт своей статьи и не понимаешь, что написано.

— Ужас-ужас, — Вечеровский выдохнул, изо рта бестолково повалил серый дым. — И как?

— С чем смотря, — Малянов полез в кухонный шкафчик за стаканами. — Я всё ещё могу прочесть препринт своей статьи. И понять, что написано. Я даже могу прочесть препринт статьи Горькавого на английском. И понять, что это дрэк и вторичный продукт... Но вот этого всего я уже не понимаю, — он повернул голову к окну без занавески, за

которым была ночь, деревья и крыша соседней пятиэтажки: когда-то знакомый мир, ставший чужим и опасным.

— И не надо, — Вечеровский взял салфетку, снял тяжкие роговые очки и принялся их протирать.

— Грязь размажешь, — сказал Малянов. — Кстати. Почему стало так грязно? Раньше такого не было. Я теперь всё время руки мою.

— У тебя чисто, — напомнил Вечеровский. — Оксана пидарасит всё до блеска. Дважды в неделю. Если схалтурит — ноги вырву.

— Пидарасит, ноги вырву, — задумчиво повторил Малянов. — Раньше так не говорили. Что, теперь можно?

— Нельзя. Но говорят, — Вечеровский поморщился. — А это что? — показал он на подоконник, где лежали какие-то бумаги.

— Из ящика, — сказал Малянов. — В смысле почтового. Всё время чего-то пихают. Я каждую неделю выгребаю.

— Тебе же сказали — не выходить из квартиры, — серьёзно сказал Вечеровский. — Никогда не выходи из квартиры. Ни-ког-да. Это — помнишь?

Он поднял палец и показал. На внешнем стекле белела точка, а вокруг — сложная система трещин, похожая на схему московского метрополитена.

— Оксана говорит — разборки какие-то. Так вроде со всеми разобрались? Нет? — с надеждой спросил Малянов.

— Не со всеми. Тебя убьют. За квартиру. Как Вальку Вайнгартена.

— Я только в подъезд, — начал оправдываться Малянов.

— Никуда не выходи, вообще никуда. Не веришь мне — поверь Бродскому. Не выходи из комнаты, не совершай ошибку. Специально для тебя сказано. Хотя для меня там тоже есть полстроки. Заведу герб — сделаю девизом.

— Про уборную? — попытался вспомнить стихотворение Малянов.

— Нет, в середине предпоследнего, на латыни... Хотя зачем я говорю, ты забудешь. Ладно, сделаем по-другому. Где ключи?

— Ключи? — не понял Малянов. — Какие ключи?

— От входной двери. Извини, заберу.

— Я тогда не смогу дверь запереть, — пожаловался Малянов.

— И не надо. У Оксанки ключи есть, она заперёт.

— А как я скорпомощи открою?

— Забудь про скорпомощь, — Вечеровский рассердился. — Если вдруг чего — звони Оксане. Только ей. Больше никому.

— Ну вдруг мне плохо станет. Ведь надо скорую? — не понял Малянов.

— Скорая? Они приедут, посмотрят. А потом отзвонят кому надо, что нашли двушку в отличном состоянии с одиноким пенсионером. И всё.

— Ну не обязательно, — не согласился Малянов.

Вечеровский не снизошёл до ответа.

Дверь приоткрылась, из-за неё показался гладкий серый кот с аккуратной импортной мордой.

— Что, Калямущка? Рыбки хочешь? — Малянов наклонился к коту. Тот не отреагировал.

— В прихожей корм, — напомнил Вечеровский.

— Да я насыпал. Ему бы рыбки, — Малянов жалобно прищурился.

— Нельзя ему рыбки. Он из шотландского питомника. На кормах всю жизнь. Ладно, это всё тоже Оксанке... — решил он.

Кот понял, что еды не будет, разочарованно сказал «мрюк» и ушёл.

— Погоди-погоди, — Малянов почесал под нижней губой. — У меня нет сенильной деменции. И я ещё не научился думать. Если то, что ты мне рассказывал, действительно правда, то Оксанку ты нанять не мог. Она же должна забыть, что ты её нанял.

— Я и не нанимал, — Вечеровский закурил снова. — Нанимала Ирка. И она же с ней общается.

— Моя Ирка? — не понял Малянов.

— Ну да. Твоя. Я через неё иногда работаю. Она меня помнит. Тебя тоже, — быстро добавил он.

— А Бобка? — с надеждой в голосе спросил Малянов.

— Не знаю, — отрезал Вечеровский. — А с Иркой так. Звоню всегда у подъезда, по сотику. Она ойкает. Потом делает вид, что очень рада. Спрашивает, как у меня там в Америке. Все почему-то уверены, что я там, в Америке.

— А почему ты не в Америке? — заинтересовался Малянов.

— У меня ещё здесь дела, — не стал развивать тему Вечеровский. — В общем, захожу к Ирке с цветами и шампанским. Сидим часа два, потом я говорю, что у тебя проблемы с обслуживанием и надо бы помочь, а я с тобой в споре и сам не могу. Она кобенится. Даю денег...

— Сколько? — неожиданно спросил Малянов, следя за чайником: тот уже шумел, но ещё не булькал.

— Ты про заварку забыл, — сказал Вечеровский. — Вооон в том ящике.

Малянов не пошевелился.

— Ладно, я сам, — Вечеровский решительно поднялся, достал из шкафчика жестянку и заварник и принялся над ними колдовать.

— И чего Ирка? — не отставал Малянов.

— Жадная она очень, — Вечеровский поморщился. — Обычно просит триста. Долларов, — добавил он.

— За что? — не понял Малянов.

— За всё. Ну то есть сделать звонки, распорядиться туда-сюда... И я не могу уйти — забудет. Когда мы Оксанку нанимали, пришлось у неё заночевать. Ничего такого, сам понимаешь, — на всякий случай добавил он.

— И что, ты ей платишь триста долларов за звонки? — не поверил Малянов.

— Нет, конечно. Оставляю сотню, остальное обещаю завтра. Хотя и сотню жалко. Она её прячет, а потом забывает где. Да, кстати — у тебя деньги как? Не кончились?

— В тумбочке которые? Вроде осталось, — Малянов остановился, пожевал губами. — Интересно. Я обычно думаю, что в тумбочке лежат деньги за дачу в Замостье. И никак не кончатся. Потому что у меня очень скромные потребности.

— Скромные? Знал бы ты, во что твои препринты обходятся, — усмехнулся Вечеровский. — Кхм, а это что? — он с неожиданной заинтересованностью полез в ящик, забренчал посудой.

— Можешь больше не заказывать, обойдусь, — обиделся Малянов.

— Кто обойдётся, а кто нет — это решаю я, — заявил Вечеровский. — Ты мне нужен живым и без сенильной деменции. Как можно дольше... Оппаньки! — Вечеровский вытащил широкий бумажный лист, засиженный мелкими буквами.

— У тебя на этом посуда стояла, — сказал он. — Чайник кипит.

Малянов принялся заваривать чай, Вечеровский вернулся на прежнее место.

— Советский журнал. Страница двадцать девять. «Корнелиус отсутствующе кивнул и сел, — зачитал он, держа бумагу перед глазами. — Кресло, как и вся мебель, приспособленное к условиям низкой гравитации...»

— Корнелиус? Гравитация? Постой-постой... Знанийсила, — уверенно сказал Малянов в одно слово. — Шестьдесят шестой год, четвёртый номер. Пол Андерсон. Фантастика. Там ещё такие иллюстрации... голубые с чёрным.

— Вот прям уверен? — недоверчиво выгнул рыжую бровь Вечеровский.

— Уверен. Шестьдесят шестой, как же. Ирка тогда выделяться начала. По-всякому. Среди всего прочего — из подписных журналов страницы вырывала. Для хозяйственных нужд, — в голосе Малянова прорезалась нотка застарелой ненависти, давно высохшей, но въевшейся намертво, как чернильное пятно на скатерти.

— Я эту страницу очень долго искал, — продолжал он. — А она на неё, оказывается, чашки поставила.

— Ну хоть потом прочитал? — поинтересовался без интереса Вечеровский.

— В библиотеку ходил, — продолжал Малянов, обиженно позвякивая чайным ситечком. — А пока ходил, она перед Снеговым хвостом крутила... Всё-таки — что с Бобкой?

— Сахар у тебя где? — Вечеровский отложил бумажку в сторону.

— Я же говорил: у меня нет сенильной деменции! — Малянов набылся. — Бобка жив? Здоров? Где он?

— Жив, здоров, не заставляй меня дальше врать, — сквозь зубы процедил Вечеровский. — Фантастика про что?

— Про Юпитер. Подожди, заварится.

— И что же там было на Юпитере? — Вечеровский немного повысил тон.

— Там люди не могли жить. Гравитация, давление. Посылали вместо себя специально выведенных существ. Синих таких, хвостатых. У них своих мозгов не было, они через радиоуправление с орбиты. А в операторы брали паралитиков. Чтобы им было по кайфу руками-ногами шевелить. Ну а потом у этих синих сформировался свой разум, и они всех послали... Как-то так. А называется по имени главного героя. То есть не по имени, наоборот. Он имя сменил. Ну, когда окончательно отделился от человечества и стал этим, синим. Книжка так и называется. Зовите меня... забыл, как он там себя назвал.

— Кстати, идея, — Вечеровский как-то совсем не пафосно шмыгнул носом. — Когда окончательно отделись от человечества — сменю имя. Назову себя по-новому. И никто не узнает как. Гносеологический парадокс. Канту бы понравилось.

— Вещь в себе, — вспомнил Малянов.

— Ну да. Что-то вроде того.

— Слушай... — Малянов подвигал нижней челюстью, формулируя вопрос. — А как это у тебя началось? Сразу? Ну вот заснул, проснулся — и никто тебя не помнит?

— Нет. Всё развивалось последовательно. Сначала перестали любить. Я решил — ну, значит, было за что. Потом перестали дружить. Тоже бывает. Перестали писать. Перестали звонить. Не сказали привет, не позвали с собой, не смотрели в глаза... Дверью хлопнули в нос, — он усмехнулся. — И не велели звонить. Я сначала думал — было за что, потом случайно встретился: нет, просто позабыли, как звать. Потом я потерял паспорт. Пошёл в милицию восстанавливать. И вот только тогда до меня потихонечку начало что-то доходить.

На кухне стало совсем тихо. Малянову пришло в голову, что сейчас была бы очень кстати большая жужжащая муха. Но мухи не было. Вместо неё во дворе загудела машина и зашевелился лифт за стеной.

— Да, ещё, — сказал Малянов. — Зачем я тебе всё-таки нужен?

— Чтобы ты жил как можно дольше и как можно лучше, — сказал Вечеровский. — В данных конкретных условиях. Кстати, я тебе лекарство поменял.

— Я не про это спросил, — Малянов посмотрел на заварочный чайник, что-то прикидывая. — Я спросил, зачем я нужен тебе.

— Ну если ты опять так ставишь вопрос, — начал Вечеровский, не собираясь заканчивать.

— Именно, — Малянов потёр щеку, седая щетина скрипнула под ладонью.

— Ну хорошо. Мне нужен человек, который меня узнает с первого звонка. И отнесётся ко мне как к хорошему старому знакомому, с которым давно не виделись.

— Понятно. И сколько нас таких осталось? — полюбопытничал Малянов.

— Не так чтобы очень. Один школьный приятель, мы с ним отношения поддерживали... двое с работы... Девушка одна. То есть она теперь, конечно, уже тётка. Я с ней когда-то плохо обошёлся. А вот она со мной — хорошо. Глухов ещё живой, но он в Америке и у него реально деменция. Ну и ты. Хотя ты меня каждый раз за покойника принимаешь. Кто тебе вообще сказал, что я умер?

— Кто мне скажет? Все же умерли, — Малянов пожал плечами.

— Но ты хотя бы не кидаешься от меня с воплями. И чтобы восстановить отношения, полчаса обычно хватает. А то я как-то к Алхазу Булатовичу зашёл... это мой начальник бывший в конторе, точно должен помнить. И вспомнил, кстати, по глазам видно. Но не показал. Дескать, что вам надо. А мог бы получить полмиллиона.

— Долларов? — уважительно спросил Малянов.

— Фунтов, — усмехнулся Вечеровский. — Кстати, нужно будет заехать в банк. На тебя у меня кое-что оформлено.

— И всё-таки, — Малянов помолчал, формулируя вопрос. — Что это было? Гомеостатическое Мироздание?

— С нами-то что было? В каком-то смысле, — Вечеровский почесал нос. — Я тогда с перепугу всё переусложнил. Насчёт гомеостатического Мироздания. Мироздание само по себе никакое. Гомеостатичны цивилизации. Они сначала устанавливают свои порядки. А потом боятся, что появятся другие, которые будут нарушать. Но кто-то успевает первым. Так вот, люди — не первые. Мы даже не стотысячные. Мы живём в мире, придуманном не нами. И те, кто придумал этот мир, приняли меры. Чтобы всё как шло, так и шло.

— Ну и что? — не понял Малянов.

— Ну и всё, — закончил Вечеровский. — Sapiienti sat. Извини. Ты бы понял, если бы подумал. Но ты не успеешь. У нас мало времени. Допивай и поехали. У меня внизу машина с шофёром.

— Если вдруг ты знаешь, — Малянов впервые за весь разговор поднял глаза на собеседника. — Что с нами будет?

— С нами? А, в смысле вообще... Нет, не знаю. Думаю, всё будет как всегда, — Вечеровский отхлебнул. — Не надо в грядущее взор погружать. Не лучше ли жить и всей грудью дышать. Вдыхать прохладу вечернего края, где спят и мечтают, надежды не зная. Тогда приходит к нам раздвоенье, и мы ни о чём не мечтаем, — он запнулся, привычным жестом потёр висок.

— Слушай, прохожий, слушай, — продолжил Малянов. — А после, не зная друг друга, мы с тобою расстанемся. В путь отправляйся...

— Дорога пылится вдаль, — закончил Вечеровский. — Гийом Аполлинер. Перевод Михаила Кудинова. Извини, приспичило. Отойду в дабл. Надеюсь, за это время ты меня не забудешь. Очень надеюсь.

Он вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Вечеровский всегда отличался повышенной деликатностью в мелочах.

Малянов отпил из чашки. Решил, что чай получился в самый раз: крепким, но не горьким. Подумал, что надо бы сгонять Оксанку, как придёт, за едой. Надо бы свининки, только хорошей. Куриные ноги, конфеты, бельгийское печенье в круглой коробке. Капусту, молоко, специи — он в последнее время полюбил специи — и чего-нибудь выпить. Только не водку, не «Амаретто» и не коньяк. Вот покойный Вечеровский — что-то он о нём стал часто вспоминать, к чему бы? — любил «Ахтамар». Оксанка недавно принесла — это был не «Ахтамар» и не коньяк вообще, это была какая-то бурая краска со спиртом. Коньяк пропал. Всё настоящее куда-то пропало.

Из сортира донёсся шум спускаемой воды. Оксанка? Вроде бы она ходит по пятницам? Хотя она вроде забыла сумочку. Ну вот, пришла за сумочкой. Ключи у неё свои... всё просто. Как всегда — всё просто, будь оно неладно. Хотя оно и так неладно.

Когда всё пошло не так? Когда Ирка забрала Бобку? Когда развалился Союз? Когда на работе кончились деньги? Когда убили Вальку Вайнгартена? Захар вроде бы куда-то делся ещё раньше. Кажется, умер. Или уехал. Глухов... Вот Глухов точно уехал.

Скрипнула дверь. Он поднял глаза и увидел покойного Вечеровского.

Покойник смотрел на Малянова осуждающе — как будто тот в чём-то провинился, вот прямо только что.

— Опять двадцать пять, — раздосадованно сказал Вечеровский. — Ну ладно, по новой так по новой. Привет, что ли. Я живой. Просто ты меня не помнишь. Меня никто не помнит.

ТРЕТИЙ КЛЮЧИК, *бытовой*

РАЗ УЖ ТАКОЕ ДЕЛО

Читать не ранее 19-й Главы Первого тома, но желательно освежив в памяти начало восьмой главы.

22 октября 137 года. День

Институт трансгенных исследований, корпус Е.

Поверхность, проходная

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Стандартная личная карточка Ib 0469

ПРОИСХОЖДЕНИЕ: изделие

ФАКТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 74

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 5

ПОЛ: самец

ПРАВОВОЙ СТАТУС: человекообразный

ОСНОВА: аллигатор миссисипский

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ СТАТУС APiF: 4106

ПРИМЕНЕНИЕ: охранник

PQ — свыше 100 (точные данные отсутствуют)
из-за особенностей основы)

ОСОБЫЕ СПОСОБНОСТИ: неизвестно/недостоверно

ЛИЧНОЕ ИМЯ: Геннадий

Дилетанты считают, что крокодилы основы уступают черепашьям по боевым качествам.

Это они зря.

Я вот, к примеру, из перспективной линии засадных. А засадные, чтоб вы знали, это такие специальные ребята, которые могут два-три месяца лежать неподвижно на одном месте. Притворившись гнилым бревном, кучей кирпичного боя или газонным бордюриком. Без единого движения.

А в нужный момент то, что вы ежедневно перешагивали, или на что наступали, взрывается вихрем неудержимой силы. За пять секунд убивает десяток вооружённых охранников. И откусывает голову тому, за кем его послали. А затем, отскочив в сторону на пяток-другой шагов, засадный вновь впадает в оцепенение. И поисковые группы с их эм-патами и нюхачами не могут его найти. Даже если с устатку присядут ему на голову.

Перспективная была линия. И всего три недостатка.

Во-первых, конечно, постбоевая депрессия. После каждого подрыва крокодил не боец около месяца — гормоны, Мать их Дочь. Целый месяц жалко тех, кого убил, и себя самого, и вообще мировая скорбь. И слёзы рекой. При современном темпе боевых действий — недопустимая роскошь.

Во-вторых — принципиальная по основе неустойчивость к няшу. Даже к самому лёгенькому. Что там поньки и котегги... Любое маленькое пушистое чмо, вроде туалетного утёнка, в лёгкую заняшит крокодила до соплей. Если, конечно, крокодил мер специальных не примет.

Как-то раз краем уха слышал, что, дескать, наш Нефритовый Хер посмеивался — мол, Генку даже плюшевый мишка заняшить может. Я не параноик, конечно. Но с тех пор как из комнаты ухожу, Чебурашеньку в сейф прячу, от чужих глаз. Это как раз и есть моя мера специальная: если подходит близко пушистик мелкий, я, чтобы не някнуться, Чебушку вспоминаю — его глазёнки-пуговки, лапочки мягонькие... А если не знать, то и впрямь смешно.

Ну а третье — это из-за чего линию и похерили.

Крокодилы — ну и аллигаторы с кайманами — основа особенная по многим позициям. Например, перепрошивке мы не поддаёмся,дохнем мы от неё. Ребилдинг омолаживающий со скрипом, кое-как, но идёт — а даже единичку в APIF-е ни прибавить, ни отнять.

Ну и... Это самое.

Генетики-то что думали — солдат убивать должен. И прошили. И основа ещё. Да.

Короче, пока воевали мы — нормально было. А как наш взвод на гражданку ушёл — вылезло.

Крокодил должен убивать. С кровью, с запахом. И очень желательно — убитое жрать. А без этого он полгода не протянет, если раньше с ума не сойдёт.

Взводный наш, Тото, рисовать умел хорошо. Домики рисовал, площадки детские. И после войны стал архитектором. Целый микрорайон отстроили по его проекту — и домики, и площадки. И газоны, газоны кругом, всё в зелени.

*0 (XXIV) Аркан «Дурак»/»Безумец»
В романе: Пьеро, которого хватает за ногу Нанси.*

*1 Аркан «Маг»
В романе: Арлекин.*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ АВТОРА	5
ПЕРВЫЙ КЛЮЧИК, <i>серебряный</i>	9
ВТОРОЙ КЛЮЧИК, <i>альтовый</i>	13
ТРЕТИЙ КЛЮЧИК, <i>бытовой</i>	20
ЧЕТВЁРТЫЙ КЛЮЧИК, <i>разводной</i>	23
ПЯТЫЙ КЛЮЧИК, <i>учёный</i>	76
ШЕСТОЙ КЛЮЧИК, <i>ночной</i>	99
СЕДЬМОЙ КЛЮЧИК, <i>загадочный</i>	111
ВОСЬМОЙ КЛЮЧИК, <i>специальный</i>	112
ДЕВЯТЫЙ КЛЮЧИК, <i>галантный</i>	126
ОТМЫЧКА	149
ДЕСЯТЫЙ КЛЮЧИК, <i>крезовый</i>	153
ОДИННАДЦАТЫЙ КЛЮЧИК, <i>практический</i>	166
ДВЕНАДЦАТЫЙ КЛЮЧИК, <i>левый</i>	179
ТРИНАДЦАТЫЙ КЛЮЧИК, <i>эпистолярный</i>	180
ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ КЛЮЧИК, <i>изломленно-поломатый</i>	208
ПЯТНАДЦАТЫЙ КЛЮЧИК, <i>клинический</i>	212
ШЕСТНАДЦАТЫЙ КЛЮЧИК, <i>филологический</i>	228
СЕМНАДЦАТЫЙ КЛЮЧИК, <i>духовный</i>	244
ВОСЕМНАДЦАТЫЙ КЛЮЧИК, <i>особенный</i>	246
ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ КЛЮЧИК, <i>живой</i>	260
РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА	265
ДВАДЦАТЫЙ КЛЮЧИК, <i>железный</i>	277
ВОСЕМНАДЦАТОГО КЛЮЧИКА <i>обломок,</i> <i>неожиданно обнаруженный</i>	283

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ КЛЮЧИК, <i>биметаллический</i>	305
ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ КЛЮЧИК, <i>фольклорный</i>	309
ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ КЛЮЧИК, <i>правдивый</i>	314
ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТЫЙ КЛЮЧИК, <i>лишний</i>	346
ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ КЛЮЧИК, <i>ледяной</i>	347
ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ КЛЮЧИК, <i>территориально- географический</i>	351
ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ КЛЮЧИК, <i>многозначный</i>	356
ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ КЛЮЧИК, <i>выщекруклюмистый</i>	366
ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ КЛЮЧИК, <i>умоблистающий</i>	373
ТРИДЦАТЫЙ КЛЮЧИК, <i>горячий</i>	377
ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ КЛЮЧИК, <i>динамометрический</i>	378
ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ КЛЮЧИК, <i>запретный</i>	380
ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ КЛЮЧИК, <i>последний</i>	400